

Алина Костина*

РОЛЬ НЕЗНАНИЯ В ЭПИСТЕМИЧЕСКИХ ПРАКТИКАХ**

ПЕРСПЕКТИВА ЭПИСТЕМОЛОГИИ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ
И ФЕМИНИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ И МЕТОДОЛОГИИ НАУКИ

Получено: 01.10.2022. Рецензировано: 16.02.2023. Принято: 05.04.2023.

Аннотация: В статье рассматривается проблема незнания с точки зрения социальной эпистемологии, в частности эпистемологии добродетелей и феминистской философии и методологии науки. Оба направления, возникшие как реакция на кризис позитивистского подхода, выстраивают новые нормативные критерии надежности и объективности знания. Частью этого процесса становится критический анализ содержания понятия и практик незнания. В обеих традициях предлагается рассмотреть природу незнания и механизмы его функционирования как в науке, так и в широком социальном контексте в целом. В рамках эпистемологии добродетелей незнание может служить и залогом непредвзятости эпистемического процесса, выступая в этом смысле добродетелью. Вместе с тем незнание, транслируемое на личностные качества познающего субъекта, выраженные в виде скромности и осторожности, могут превратить качество, воспринимаемое как добродетельное, в интеллектуальный порок. Незнание, выражаемое эпистемическим агентом, может сходным образом проявляться в научной и политической практике. На основании этого рассматривается предложенная Д. Фридманом классификация незнания как рационального, иррационального и неумышленного. В рамках феминистской философии и методологии науки выстраивается отдельный проект эпистемологии незнания. Он, во-первых, критикует доминирующее на протяжении столетий представление об универсальном научном методе, усматривая в его использовании практики эпистемической несправедливости, напрямую связанные с производством и воспроизводством незнания. Последнее становится инструментом, влияющим на формирование научной и политической реальностей, связанных между собой в публичном пространстве, в частности, посредством института экспертизы. В качестве альтернативы выдвигается теория точки зрения, где становится возможным использование более эффективной исследовательской методологии. Пересмотр существующих методологических оснований позволяет по-новому оценить проблему нормативности, надежности знания и доверия эпистемических агентов в познавательном процессе и построении коллективной эпистемологии.

*Костина Алина Олеговна, к. филос. н., научный сотрудник; Институт философии РАН (Москва), alinainwdrln@gmail.com, ORCID: 0000-0002-5073-8201.

**© Костина, А. О. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 20-011-00397 «Эпистемология добродетелей: ценностно-нормативный образ субъекта познания».

Ключевые слова: эпистемология добродетелей, рациональное незнание, иррациональное незнание, неумышленное незнание, политическое незнание, социальная эпистемология, феминистская эпистемология, С. Хардинг.

DOI: 10.17323/2587-8719-2023-2-43-59.

Вопрос о том, что такое знание, идет ли речь о естественных и гуманитарных науках или практиках обыденной жизни, не теряет своей актуальности для исследований как прикладного, так и фундаментального характера. Концептуальный выбор автора данной статьи — попытка объединенного рассмотрения двух традиций современной эпистемологии и методологии науки, представленных эпистемологией добродетелей, а также феминистской социальной эпистемологией и философией науки.

В рамках эпистемологии добродетелей и критической эпистемологии создано множество перспективных подходов, пытающихся определить статус незнания. В собственном развитии и взаимной критике они направлены на разработку теоретических оснований, подкрепленных практическими иллюстрациями, в поисках того, что можно определить как знание, а что — нельзя. Проблеме незнания уделяется особое внимание в связи с эпистемологическими, логическими и этическими вопросами. В данной работе заявленная тема рассматривается из перспективы социальной эпистемологии в целом, эпистемологии добродетелей и феминистской эпистемологии в частности. В рамках эпистемологии добродетелей и дополняющей ее критики будет продемонстрировано место незнания и связанных с ним категорий в системе познания. Незнание занимает неоднозначную позицию, оказываясь и эпистемической добродетелью, и пороком одновременно. Критическая эпистемология, зачастую небезосновательно ассоциируемая с феминистской эпистемологией и философией науки, также рассматривает незнание как важную концептуальную составляющую. Используемая в качестве альтернативы «жесткая объективность» (*strong objectivity* — англ.) (Harding, 1993), поддерживающая теорию точки зрения, позволяет посмотреть на незнание как на социальный конструкт, часть общественных отношений, в том числе связанных с восприятием науки. В рамках феминистской философии и методологии науки исследования незнания сопряжены с рядом других важных тем и, можно сказать, обозначают их концептуальные пересечения и связи. Среди них — герменевтическая несправедливость, несправедливость свидетельства, коллективная эпистемология.

Анализ разворачивается от рассмотрения базовой проблемы незнания в процессе движения к истинному знанию до определения его роли в рамках общенаучного метода. При этом необходимая задача исследования —

демонстрация глубокой взаимосвязи предлагаемых методологических решений и их социального контекста. На локальном уровне рассматривается проблема психологизма познавательных процессов (на примере представлений Д. Драйвер) и его роли в выходе из тупика строгих программ эпистемологии добродетелей. Стремление определить статус незнания также приводит к необходимости обнаружить источник незнания. Методом в данном случае становится классификация незнания, которая была произведена в области анализа участия в принятии политических решений (И. Сомин, Д. Фридман), но может претендовать на междисциплинарное использование. В большем масштабе проблема незнания демонстрируется в рассмотрении проблемы герменевтической несправедливости и несправедливости свидетельствования (Л. Коуд, С. Хардинг, М. Фрикер). Особое внимание уделяется представлению о незнании как об эпистемической проблеме и ресурсе одновременно. Одним из принципиально важных для построения эпистемологии добродетелей факторов становится определение статуса незнания из перспективы передачи научного опыта. Используется допущение, что эпистемические искажения, сопутствующие процессу трансляции знания, имеют риск превращения в более значительную проблему, нежели незнание как отсутствие навыка или релевантной процессу информации. Данное противоречие связывает традицию эпистемологии добродетелей и феминистскую методологию науки. Оба направления концентрируются на построении методологии, исключающей дискриминацию. Последняя может быть обнаружена на множестве уровней взаимодействия внутри как научных, так и широких социальных практик. Определяется значимость эпистемического, онтологического и инструментального статуса незнания.

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ: ПРОТИВОРЕЧИВЫЙ ЭПИСТЕМИЧЕСКИЙ СТАТУС НЕЗНАНИЯ

Как известно, в рамках эпистемологии добродетелей поляризация методов связывается со степенью ответственности, возлагаемой на познающего субъекта. При этом углубление в проблему знания приводит к необходимости постоянного переопределения качеств, свойств и навыков, присущих последнему. В «строгой» версии, представленной респонсibiliстами¹ (от англ. *responsible* — ответственный), эпистеми-

¹В рамках данной статьи не рассматривается релейабелизм, второе ключевое направление эпистемологии добродетелей, т. к. в нем вопрос ответственности эпистемического

ческий агент (здесь и далее приравнивается к понятию познающего субъекта) несет всю полноту ответственности за каждый свой шаг в познании, удача и случайность исключаются как факторы процесса познания. В данном случае предполагается, что субъект инструментально и фундаментально мотивирован только на получение истинного знания. Исключительность мотивации не позволяет допущения каких-либо вторичных выгод на пути агента. Однако попытка обозначить крайне строгую систему эпистемических норм еще не говорит о степени их выполнимости в практике познания.

Увидев данные процессы из другой перспективы, мы можем отметить, что рассмотрение проблемы незнания (*ignorance* — англ.) обогащает существующую традицию. Если знание может и должно быть мотивировано, то можно ли говорить о мотивированном незнании? Как такая постановка вопроса сказывается на представлении о познающем субъекте?

Теоретики эпистемологии добродетели Р. Робертс и У. Вуд, выстраивая систему регулятивной эпистемологии, особое внимание уделяют практическому применению эпистемических добродетелей. Одна из ключевых практик их реализации представлена преподаванием. Именно здесь особый статус имеет незнание. С одной стороны, есть ученик, для которого незнание становится одной из отправных точек развития его интеллектуальных добродетелей.

Скромность и/или смелость способствуют тому, чтобы бесстрашно показать свое незнание другим, освобождают и позволяют узнать то, чего напуганный, тщеславный и подобострастный студент постарается избежать (An Essay in Regulative Epistemology, 2007: 142).

Также незнание, наряду с готовностью учиться, сопряжено с развитием независимости мышления или интеллектуальной автономии, выносливости и открытого воображения. По ту сторону отношений находится учитель, который должен выдерживать строгий баланс между трансляцией знания и готовностью его «придержать», чтобы развить в студенте способность делать выводы самостоятельно, а в большем масштабе — автономность мышления.

Одним из искажений в реализации познавательных добродетелей, связанных с нарушением баланса отношений транслятора знания и его получателя, является эпистемический патернализм. Осуществляющий

агента уступает место проблеме возможностей перцепции — теме, не столь релевантной для поставленных в работе задач.

его агент, как правило, обладает определенным познавательным и институциональным авторитетом. Его эпистемическая позиция может оказаться влиятельной как в рамках частного исследования, так и в лице некоторого сообщества. Опасность эпистемического патернализма связана с уменьшением динамики исследовательских процессов, которая может привести к их догматизации². В исследованиях последнего времени все чаще говорится о необходимости не только признать сам факт незнания и его коллективной формы, но и увидеть его «красоту», то есть пользу для процесса познания (Tal & Koh, 2023).

Сама тема эпистемологии незнания была выведена в заголовок статьи Д. Драйвер в конце 1980-х годов. С тех пор рассмотрение вопроса обогатилось рядом динамичных исследований. Следует заметить, что в эпистемологии добродетелей тема психологических механизмов, влияющих на качество познания, раскрывается довольно спорным и критичным образом среди во многом радикальных респонсibiliстов. Однако находит своих сторонников, не исключая тему психологизма (An Essay in Regulative Epistemology, 2007; Turri, 2019). Д. Драйвер (Driver, 1989), описывая добродетель незнания, сделала основной акцент на ценности не столько самого незнания, сколько того психологического состояния, которое ему сопутствует. По ее мнению, оно облегчает коммуникацию в рамках как исследовательской активности, так и обыденной жизни. Незнание здесь фактически приравнивается к неподвзятости, которая, в свою очередь, увеличивает возможность достижения истинного знания.

Однако не всякие формы незнания можно одинаково оценить с этической и эпистемической позиций. Так, объектами ее рассуждений становятся тщеславие, с одной стороны, и скромность (*modesty* — англ. в ее версии, *humility* — англ. в схожих рассуждениях М. Слоута (Slote, 1983)) — с другой. Оценка данных качеств с точки зрения моральной философии не может быть приравнена к их оценке из перспективы эпистемологии добродетелей. Р. Роберт и Д. Вудс вторят выводу Д. Драйвер, заявляя, что «моральная добродетель скромности — интеллектуальный порок» (An Essay in Regulative Epistemology, 2007: 239). Это всего лишь один из возможных примеров анализа эпистемических добродетелей,

²Следует заметить, что в рамках эпистемологии догматизм не рассматривается однозначно: среди его положительных влияний можно назвать «фундирование» существующих систем представлений, обеспечение их стабильности и последовательного развития.

существующих в особой системе координат, связанной с изначальной задачей создания новой нормативной базы эпистемологии.

Интересно, что Д. Драйвер в одной из линий аргументации ссылается на работы М. Слоута, выступавшего с критикой идеи скоромности или нерешительности в процессе познания и принятия решений (Slote, 2019). Его фокус направлен на то, как чрезмерная скромность становится синонимом нерешительности и впоследствии неспособности действовать, что, в свою очередь, погружает агента в порочный круг сомнений. Этот процесс, по мнению автора, подогревается в общественной жизни публичными фигурами, которые просят «подумать еще раз», усложняя тем самым определение гражданской позиции.

Р. Робертс и У. Вудс, подробно анализируя предложенные эпистемические добродетели, приводят еще ряд примеров, где психологические реакции обуславливают социальные отношения. Это касается процесса обучения, в котором поиск истины во многом определяется способностью к адекватной коммуникации. Допустим, что преподаватель-ученый, на протяжении десятилетий транслировавший определенную систему знаний и придерживавшийся ее, столкнулся с убедительной контраргументацией студента. Каким при этом эпистемическим агентом представляется преподаватель, не готовый признать свою неправоту?

Проанализировать подобный случай в рамках эпистемологии добродетелей возможно, приняв во внимание несколько исследовательских подходов, разработанных внутри направления. В изучении кейсов различие традиций обнаруживает себя наиболее ярко. В самой строгой из версий — респонсibiliзме — речь бы пошла об индивидуальной ответственности эпистемического агента, пренебрегшего стремлением к истинному знанию в угоду субъективному образу сохранения профессиональной репутации. Если же разделить эпистемические и психологические способности, то последние сработали в качестве защитных механизмов от стыда, потери репутации, но никак не коррелировали с задачей поиска истины. В ином случае исследователь, решившийся признать ложность своих выводов, выглядит интеллектуально добродетельным: если путь больше не служит достижению цели, необходимо это признать и изменить его. Сама эпистемология добродетелей появилась сходным образом: кризис позитивистского подхода в эпистемологии, проблема Геттиера, заведшая вопрос о том, что является истинным знанием, в тупик, привели к необходимости масштабного пересмотра нормативных оснований эпистемологии.

Перейдя к возможной классификации незнания, мы увидим, что она представляет собой довольно проблематичное поле множественности вариантов. Здесь мы будем говорить о разделении незнания на рациональное, иррациональное и неумышленное. В качестве примера представлена типология, одновременно применимая к области как политической, так и научной практики. В рамках эпистемологии добродетелей она отражается в добросовестности исследования и приятия ответственных решений.

Личность рационально несведуща (*rationaly ignorant* — англ.), если он или она решили, что изучение какого-либо корпуса знаний не оправдано при условии, что затраты на его приобретение превышают потенциальные выгоды, соответствующие целям принимающего решение (Somin, 2021: 241).

Данное утверждение указывает на подход, связывающий политику и экономику (не)знания, определяя мотивации познающего субъекта. Практическое отражение такое поведение агента находит в области политики. Политическое незнание проблематизируется в исследованиях политической и социальной эпистемологии. Однако Джеффри Фридман (Friedman, 2005), один из его критиков, придерживается идеи, что политическое незнание представляет наибольший интерес для изучающих социологические опросы и сторонников экономического подхода к политике. Сам же исследователь призывает не сводить мотивацию политического актора только к реализации его личных амбиций. Иначе, по его мнению, теряется само различие между политической и экономической сферами общества.

Среди потенциальных затрат оказывается не только время, которое можно потратить на некоторую альтернативу, но и психологический комфорт. На первый взгляд кажется, что если в рамках политического незнания можно говорить о психологических факторах, то в области научных исследований они должны быть исключены. В естественных науках же сами принципы работы сопряжены с допущением возможности ошибки, выдвижением смелых гипотез, а также их публичным рассмотрением и перманентным риском быть опровергнутыми. В социальных науках труднее говорить об опровержении, но критика, как и прежде, остается неотъемлемой частью процесса научной коммуникации. В подтверждение значительного психологизма не только политического, но и научного участия Д. Турри (Turri, 2019), один из ключевых критиков респонсибилизма, приводит следующий аргумент: если наши убеждения,

даже будучи обоснованными, наталкиваются на критику, какая именно ее часть нас так задевает или какую часть нас задевает она?

«Неумышленное незнание» (*inadvertent ignorance* — англ.) — самый естественный, по мысли Д. Фридмана, вид незнания. Оно возникает, когда исследователь (необходимо заметить, что Д. Фридман в равной степени заинтересован в рассмотрении политики незнания как в естественных, так и в социальных науках) искренне не знает о существовании некоторой информации, потенциально полезной для его работы. Здесь следует сделать замечание. Не всегда получается точно определить, что в процессе исследования, являющегося, помимо прочего, творческим процессом, можно обозначить как релевантный или полезный корпус знаний. Примем допущение, что полезные для исследования находки могут не казаться такими в соответствии с тематическим каталогом или нормативными установками. Как раз самым ожидаемым шагом, встроенным в алгоритм исследования, может выступать знакомство с наиболее значимыми для данной области источниками. Если же исследователь этого не осуществляет, то трудно обозначить такое незнание как неумышленное.

Система, построенная на существовании рационального и неумышленного незнания, заметно усложняется, когда к ней добавляется иррациональное незнание. По определению И. Сомина

оно возникает в ситуациях, когда индивид избегает полезной для себя информации из-за когнитивных предрассудков, приводящих к действиям, противоречащим его собственным целям (Somín, 2021: 242).

Область когнитивных предрассудков (*cognitive bias* — англ.) представляет собой отдельное поле исследований эпистемологии. Это сложный феномен еще и потому, что не все свойства мышления, на первый взгляд представляющие собой препятствие, можно однозначно оценить как негативные. В разных ситуациях догматизм может стать как серьезной преградой для развития системы взглядов, так и спасением, служащим на благо ее стабилизации. Эпистемологический патернализм может способствовать выстраиванию преемственности знания, а может и мешать рождению принципиально новых методов и подходов в научной работе.

Исследователи социальных вопросов, на которых указал Д. Фридман, в действительности сталкиваются с рядом неразрешимых дилемм в оценке результатов, в частности связанных с политическим незнанием. Главный из них определяет то, в какой мере информационная

доступность, если исторически проблема заключалась в дефиците информации, увеличила осведомленность как граждан в их общественной жизни и осуществляемых выборах, так и исследователей. Сопряжен ли информационный прорыв с прорывами исследовательскими?

Несмотря на довольно радикальную и, возможно, даже некорректную постановку вопроса, в политических опросах (также приводимых в Somin, 2014; Somin, 2015) можно найти свидетельства либо рационального, либо иррационального незнания, но с трудом его можно назвать неумышленным.

В рассмотренных примерах мы видим, что формирование изначальных установок эпистемологии добродетелей, связанных с выработкой эффективной нормативной базы познания, является одной из ключевых задач для будущего эпистемологии. Оно послужит способом преодоления незнания, сопряженного по крайней мере с его мотивированной частью. Хотя ряд аргументов в предложенных рассуждениях определяется политическим незнанием, очерченные контуры позволяют заметить, что многие из проблем характерны и для исследовательской деятельности. Далее будет продемонстрировано, насколько связь политической и научной реальности важна при рассмотрении методологии науки.

ФЕМИНИСТСКАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ: ДИСКРИМИНИРУЮЩИЙ СОЦИАЛЬНЫЙ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС НЕЗНАНИЯ

С. Хардинг в одной из своих ключевых работ (*Sciences from Below*, 2008) заявила о необходимости пересмотра не только социальных отношений и порядка коммуникации внутри сообщества, но и самой научной методологии. Будучи одновременно теоретиком феминистской философии науки и постколониальных учений, исследовательница обозначает сложный путь данных направлений от маргинализированных ветвей исследования до равноправного существования с другими подходами философии и методологии науки условного мейнстрима. Основными способами укрепления позиций становятся разработка концептуального аппарата и использование соответствующей ему, узнаваемой терминологии (по мнению С. Хардинг и Ф. Руни, именно новые термины сделали направление заметным); радикальный пересмотр классической (ньютоновской) научной модели; ревизия понятия объективности; изменение статуса универсального научного метода и его смена теорией точек зрения (*standpoint theory* — англ.); контекстуализация знания, пришедшая на смену его деконтекстуализации, принятой в рамках классической научной модели.

Тема эпистемического незнания становится одним из ключевых элементов в системе феминистской эпистемологии (придерживающейся теории точки зрения). Проведя небольшой анализ тем статей и заголовков по запросу «эпистемическое незнание», можно с известной долей уверенности заявить, что значительное количество из них связано с исследованиями феминистской эпистемологии. Среди понятий, фигурирующих в заголовках, — «деколониционный феминизм против эпистемического незнания», «эпистемы наивного знания», «намеренное герменевтическое незнание», «стратегическое незнание» и ряд других. Все они являются частью работ, связанных с эпистемическими ценностями и этикой и отражающих формирующийся на протяжении последних 30–40 лет спектр вопросов феминистского течения философии и методологии науки.

Эпистемология незнания выделяется в качестве отдельного исследовательского проекта с рядом ясно артикулированных целей и задач. Среди них — показать, что существуют различные виды незнания и попытаться их классифицировать; выработать нормативные рамки и продемонстрировать, когда незнание эпистемически проблематично. Другой спектр задач связан с установлением ответственности познающего агента за незнание, а также исследование взаимосвязи категорий незнания и доверия. В последнем случае производится указание на отношения между индивидуальным и коллективным эпистемическим субъектом. Незнание не только представляет собой повод для критики и поиска ответственного за него, но и выступает в роли проводника коллективного доверия, способствует передаче знания и непрерывности воспроизводства научного процесса.

Л. Коуд — одна из теоретиков экологичного и ответственного мышления (Code, 2006; 2020; *Thinking Ecologically...*, 2021). Под этими на первый взгляд нарочито простыми формулировками кроется многослойный анализ исследовательской методологии, обнаруживающей проблемы незнания там, где декларируется наличие обратного. Так, активное использование темы не просто несправедливости, но герменевтической несправедливости заставляет обращаться к вопросам языковых, текстологических и исторических аспектов проблемы. Они встраиваются в общую канву аргументов против гомогенизации науки. Некоторые исследователи обращаются к работам Г. Гадамера, подкрепляя рядом его представлений собственное направление концептуализации. По их мнению, герменевтика Гадамера может стать благодатной идейной почвой

для феминисток и теоретиков субъективности, агентства, истории и знания, тех, кто не испытывает иллюзий по поводу эмпирицистско-позитивистского наследия... связанного с действующей концепцией объективности, требующей дислоцированных, взаимозаменяемых познающих субъектов, отстраненных, невовлеченных наблюдателей объектов знания (Feminist Interpretations..., 2002: 4).

Эпистемология начала XXI века переживает кризис, связанный с разрушением ряда «центризмов» (андроцентризм, евроцентризм), поддерживающих «гегемонию эпистемологии единообразия» (Feminist Epistemology..., 2011: 214). Решение актуальных проблем масштаба и предела знания в условиях большого разнообразия традиций при этом связывается с логической возможностью и ситуативной эпистемической практикой³. Вопросы несправедливости свидетельствования и герменевтической несправедливости могут быть постепенно решены именно из перспективы эпистемологии незнания. Знание должно быть контекстуализовано и ситуативно, чтобы отражать реальное положение дел, — это одна из основных установок теории точки зрения. Нет никакого методологического короткого пути — универсального метода, способного при этом быть эффективным в самых разных культурных контекстах. Фигура познающего агента перестает быть строго научной и институциональной в описываемой теории. Если посмотреть иначе, то, вероятно, меняется сам порядок институционализации познавательных практик. Эпистемический агент оценивает ситуацию с уникальной точки зрения. Он является носителем ценного эпистемического опыта, получаемого как индивидуально, так и в сообществе.

В рамках заявленного исследовательского направления также рассматривается вопрос коллективной эпистемологии. На взгляд автора статьи, в данных концептуальных рамках такой проект обладает значительными перспективами. Акцент на принципиальной контекстуальности знания, а значит, его включенность в жизнь отдельных сообществ

³Необходимо разделить два направления внутри феминисткой эпистемологии: теорию точки зрения и спонтанную эмпирическую эпистемологию. Последняя фокусируется на социальной составляющей научной жизни и дискриминации в сообществе, не затрагивая при этом проблему научного метода. Наоборот, в их рядах слышен призыв к неукоснительному исполнению существующих методологических практик. В то время как сторонники теории точки зрения и ситуационизма призывают к пересмотру методологии науки и в этом видят возможность постепенного изменения научной практики в сторону более объективной.

позволяет выстроить основания для обобщения коллективных представлений и обозначения зон коллективного незнания и его причин. Следует заметить, что в рамках более консервативных подходов отношение к аккумулярованию знания строится на принципе «чем больше — тем лучше», где банк идей может предоставить возможность для развития самых разных проектов. В рамках феминистской методологии науки крайне важна адресность: необходимо ставить вопрос о том, кому послужит получаемое знание. Не только знание, но и незнание сознательно конструируется. Сама возможность инструментально использовать незнание становится крайне привлекательной и эффективно воплощаемой в общественной жизни. Знание презентуется как элитарный продукт, которым могут манипулировать эксперты или причастные политические силы. Ряд исследователей видит значительную опасность в союзе научного и политического — квинтэссенция этой опасности воплощается именно в фигуре эксперта, наделенного инструментами для конструирования знания/незнания (Beck, Ritter, 1997).

Различные формы несправедливости тесно связаны с представлением о том, кому принадлежит эпистемический авторитет или власть. Научные и политические теории объединяются одним важным качеством: они задают критерии надежного опыта и истинного знания. Все же прочие познающие агенты, не подходящие под заданные идеалы, исключаются, тем самым «поддерживая системное незнание» (Rooney, 2011: 13), попутно воспроизводя его множественные модели и конфигурации.

Одним из основных посылов теоретиков эпистемологии незнания, анализируемой из целого ряда перспектив, становится вопрос исследовательской методологии. Как уже было обозначено выше на основании работ С. Хардинг, «сильная объективность» сопутствует контекстуализации знания, учету его социальной реальности и многообразия перспектив эпистемических агентов. При этом научный метод, на протяжении столетий считавшийся надежным, представляется в качестве несостоятельного. Этот метод отстраняется от контекста, редуцирует многообразие научных практик к единому стандарту, поэтому он в действительности «недостаточно строгий или объективирующий; он слишком слаб для достижения даже тех целей, для которых он был создан» (Harding, 1993: 51). Таким образом, формируемое поле феминистской методологии подвергает сомнению обоснованность основополагающего элемента, ассоциируемого с европейской наукой. Это становится призывом к фундаментальному перестроению принципов научной работы и пересборке ее оснований.

Другим принципиальным различием становится приятие невозможности достигнуть «идеального», исчерпывающего знания и готовность поддерживать в исследовательской среде ситуацию неопределенности. Как утверждает С. Фрост, «нам не требуется обещания исчерпывающего знания в качестве фона научных исследований» (Frost, 2011: 79). Одним из побочных явлений такого стремления к завершенности уже было и еще может стать нежелательное и неэтичное «эпистемическое насилие» (Code, 2011: 220).

Предполагается, что простой антропологический анализ и смешение данных, а тем более стремление их «подверстать» под свои нужды неудовлетворительны. Альтернативой становится

соединение нитей исследования и их вплетение в установленные формы эмпирических свидетельств с целью нарушения действующих моделей незнания и недоверия, которые... структурировали западную эпистемологию и обыденное знание продолжительное время (ibid.: 220–221).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье продемонстрировано, как в рамках эпистемологии добродетелей и феминистской эпистемологии в равной мере значимой проблемой оказывается не только поиск истинного обоснованного знания, но и определение структуры и роли незнания. Показано, что данные направления объединяет стремление к выработке нормативной базы и пересмотру методологии как следствие позитивистского кризиса. Ориентированность на эпистемического агента и характер его познавательного опыта, тесная взаимосвязь этических и эпистемических принципов в практике познания, попытка уйти от исследовательского редукционизма — эти задачи наглядно реализуются в критическом анализе и классификации незнания в обыденной и исследовательской практике. В эпистемологии добродетелей, как и феминистской эпистемологии, незнание, с одной стороны, становится основанием для реализации эпистемического доверия как фундамента коллективной эпистемологии. С другой стороны, незнание не воспринимается как пустое пространство, заполняемое знанием. Оно самостоятельно и в полной мере может стать инструментом, структурирующим познавательную активность. Социальная контекстуальность научных и политических практик, сама тесная взаимосвязь научной и политической реальности позволяет всерьез задуматься о пересмотре представления о нейтральности, объективности и беспристрастности как об эффективных характеристиках процесса

познания. Возможно ли, что ключевые характеристики идеала научности, воспринимаемые как его сильные стороны, в действительности определяют его уязвимость? Как утверждает Л. Коуд,

эпистемические ценности представляются настолько неоспоримо универсальными, направленными на сохранение истины, а потому безличными и формальными, что и потенциально «не могут быть уничижающими», в то же время парадоксальным образом как беспристрастная нейтральность, так и либеральный эгалитаризм, не чувствительные к различиям, становятся поводами избежать признания, а потому и мутируют в инструменты притеснения; инструменты эпистемической несправедливости (Code, 2011: 215).

Структурируемое и структурирующее незнание должно восприниматься инструментально и рассматриваться с точки зрения пользы и рисков как для эпистемических, так и для социально-политических процессов. Анализ ряда существующих методологий демонстрирует, как налагаемый статус нейтральности приводит к смещению акцентов исследований, что, в свою очередь, становится причиной значительного искажения эпистемической картины и научной, и общественной реальности.

ЛИТЕРАТУРА

- Beck U.* The Reinvention of Politics : Rethinking Modernity in the Global Social Order / trans. from the German by M. Ritter. — Cambridge : Polity Press, 1997.
- Code L.* Ecological Thinking : The Politics of Epistemic Location. — New York : Oxford University Press, 2006.
- Code L.* “They Treated Him Well” : Fact, Fiction and the Politics of Knowledge // Feminist Epistemologies / ed. by H. E. Grasswick. — New York : Routledge, 2011. — P. 205–222.
- Code L.* Epistemic Responsibility. — New York : New York University Press, 2020.
- Driver J.* The Virtues of Ignorance // The Journal of Philosophy. — 1989. — Vol. 86, no. 7. — P. 373–384.
- Feminist Epistemology and Philosophy of Science / ed. by H. E. Grasswick. — Dordrecht : Springer, 2011.
- Feminist Interpretations of Hans-Georg Gadamer / ed. by L. Code. — Pennsylvania : Pennsylvania State University Press, 2002.
- Friedman J.* Popper, Weber, and Hayek : The Epistemology and Politics of Ignorance // Critical Review. — 2005. — Vol. 17, no. 1/2. — P. 1–58.
- Frost S.* The Implications of the New Materialisms for Feminist Epistemology // Feminist Epistemologies / ed. by H. E. Grasswick. — New York : Routledge, 2011. — P. 69–84.

- Harding S.* Rethinking Standpoint Epistemology : What is “Strong Objectivity”? // *Feminist Epistemologies* / ed. by L. Alcoff, E. Potter. — New York : Routledge, 1993. — P. 49–82.
- Roberts R., Wood W.* Intellectual Virtues. — London : Oxford University Press, 2007.
- Rooney P.* The Marginalization of Feminist Epistemology and What That Reveals About Epistemology “Proper” // *Feminist Epistemologies* / ed. by H. E. Grasswick. — New York : Routledge, 2011. — P. 3–24.
- Societies from Below : Feminisms, Postcolonialities, and Modernities* / ed. by S. Harding. — London : Duke University Press, 2008.
- Slote M.* Goods and Virtues. — New York : Oxford University Press, 1983.
- Slote M.* Sentimentalist Virtue Epistemology : Beyond Responsibilism and Reliabilism // *Feminist Epistemologies* / ed. by H. E. Grasswick. — New York : Routledge, 2019. — P. 105–114.
- Somin I.* Jury Ignorance and Political Ignorance // *William & Mary Law Review*. — 2014. — Vol. 55. — P. 1167–1193.
- Somin I.* Rational Ignorance // *Routledge International Handbook of Ignorance Studies* / ed. by M. Gross, L. McGoey. — London : Routledge, 2015. — P. 274–281.
- Somin I.* Is Political Ignorance Rational? // *Routledge Handbook of Political Epistemology* / ed. by M. Hannon, J. de Ridder. — New York : Routledge, 2021. — P. 241–252.
- Tan M., Koh T. S.* Learning to Become Ignorant : Improving the Quality of Epistemic Knowledge in Science Education // *Science Education*. — 2023. — Vol. 107, no. 1. — P. 1–19.
- Thinking Ecologically, Thinking Responsibly* / ed. by N. McHugh, A. Doucet. — New York : SUNY Press, 2021.
- Turri J.* Virtue Epistemology and Abilism on Knowledge // *Feminist Epistemologies* / ed. by H. E. Grasswick. — New York : Routledge, 2019. — P. 309–316.

Kostina, A. O. 2023. "Rol' neznaniya v epistemicheskikh praktikakh [Ignorance in the Epistemic Practices]: perspektiva epistemologii dobrodetely i feminist-skoy filosofii i metodologii nauki [The Standpoints of Virtue Epistemology and Feminist Philosophy and Methodology of Science]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 7 (2), 43–59.

ALINA KOSTINA

PHD IN PHILOSOPHY, RESEARCH FELLOW

INSTITUTE OF PHILOSOPHY, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES (MOSCOW, RUSSIA);

ORCID: 0000-0002-5073-8201

IGNORANCE IN THE EPISTEMIC PRACTICES

THE STANDPOINTS OF VIRTUE EPISTEMOLOGY AND FEMINIST PHILOSOPHY AND METHODOLOGY OF SCIENCE

Submitted: Oct. 01, 2022. Reviewed: Feb. 16, 2023. Accepted: Apr. 05, 2023.

Abstract: The issue of ignorance from the standpoint of virtue epistemology and feminist science methodology is the focus of the following article. Both research traditions, established as reactions to the crisis of the positivist approach, create new normative criteria for credibility and objectivity of knowledge. Analyzing the contents and practices of ignorance becomes essential to the process. Both traditions are set to scrutinize ignorance's nature and functioning mechanisms in a broad social context in general and science in particular. In virtue epistemology, ignorance could give credence to unbiased epistemic activity, serving as a virtue in this case. At the same time, ignorance, imposed on personal traits of the epistemic agent, expressed as modesty and caution, potentially turns a virtue into an intellectual vice. Ignorance, expressed by an epistemic agent, could share similarities in scientific and political practices. Following this assumption, the rational, irrational, and inadvertent versions of ignorance, suggested by J. Freidman, are described and analyzed in the given article. There is an independent project of the epistemology of ignorance, which has been developed in the course of feminist philosophy and methodology of science. The latter criticized the notion of the universal scientific method, which has had a dominant position in science for centuries. It is seen as a mediator of epistemic injustice directly related to the production and reproduction of ignorance. Here ignorance acts as an instrument that shapes scientific and political reality, intervening with each other and embodied in the institute of expertise. The expressed alternative is the standpoint theory (S. Harding) with its more just and efficient methodology. Revision of the existing methodological basis allows a non-conventional look at the issue of normativity, reliability of knowledge, and trust (trustworthiness) of epistemic agents in epistemic activities, along with the creation of a viable project of collective epistemology.

Keywords: Virtue Epistemology, Rational Ignorance, Irrational Ignorance, Inadvertent Ignorance, Political Ignorance, Social Epistemology, Feminist Epistemology, S. Harding.

DOI: 10.17323/2587-8719-2023-2-43-59.

REFERENCES

- Beck, U. 1997. *The Reinvention of Politics [Die Erfindung des Politischen]: Rethinking Modernity in the Global Social Order [Zu einer Theorie reflexiver Modernisierung]*. Trans. from the German by M. Ritter. Cambridge: Polity Press.

- Code, L., ed. 2002. *Feminist Interpretations of Hans-Georg Gadamer*. Pennsylvania: Pennsylvania State University Press.
- . 2006. *Ecological Thinking: The Politics of Epistemic Location*. New York: Oxford University Press.
- . 2011. “‘They Treated Him Well’: Fact, Fiction and the Politics of Knowledge.” In *Feminist Epistemologies*, ed. by H. E. Grasswick, 205–222. New York: Routledge.
- . 2020. *Epistemic Responsibility*. New York: New York University Press.
- Driver, J. 1989. “The Virtues of Ignorance.” *The Journal of Philosophy* 86 (7): 373–384.
- Friedman, J. 2005. “Popper, Weber, and Hayek: The Epistemology and Politics of Ignorance.” *Critical Review* 17 (1–2): 1–58.
- Frost, S. 2011. “The Implications of the New Materialisms for Feminist Epistemology.” In *Feminist Epistemologies*, ed. by H. E. Grasswick, 69–84. New York: Routledge.
- Grasswick, H. E., ed. 2011a. *Feminist Epistemologies*. New York: Routledge.
- , ed. 2011b. *Feminist Epistemology and Philosophy of Science*. Dordrecht: Springer.
- Harding, S. 1993. “Rethinking Standpoint Epistemology: What is ‘Strong Objectivity’ ?” In *Feminist Epistemologies*, ed. by L. Alcoff and E. Potter, 49–82. New York: Routledge.
- , ed. 2008. *Sciences from Below: Feminisms, Postcolonialities, and Modernities*. London: Duke University Press.
- McHugh, N., and A. Doucet, eds. 2021. *Thinking Ecologically, Thinking Responsibly*. New York: SUNY Press.
- Roberts, R., and W. Wood. 2007. *Intellectual Virtues*. London: Oxford University Press.
- Rooney, P. 2011. “The Marginalization of Feminist Epistemology and What That Reveals About Epistemology ‘Proper’.” In *Feminist Epistemologies*, ed. by H. E. Grasswick, 3–24. New York: Routledge.
- Slote, M. 1983. *Goods and Virtues*. New York: Oxford University Press.
- . 2019. “Sentimentalist Virtue Epistemology: Beyond Responsibilism and Reliabilism.” In *Feminist Epistemologies*, ed. by H. E. Grasswick, 105–114. New York: Routledge.
- Somin, I. 2014. “Jury Ignorance and Political Ignorance.” *William & Mary Law Review* 55:1167–1193.
- . 2015. “Rational Ignorance.” In *Routledge International Handbook of Ignorance Studies*, ed. by M. Gross and L. McGoey, 274–281. London: Routledge.
- . 2021. “Is Political Ignorance Rational?” In *Routledge Handbook of Political Epistemology*, ed. by M. Hannon and J. de Ridder, 241–252. New York: Routledge.
- Tan, M., and T. S. Koh. 2023. “Learning to Become Ignorant: Improving the Quality of Epistemic Knowledge in Science Education.” *Science Education* 107 (1): 1–19.
- Turri, J. 2019. “Virtue Epistemology and Abilism on Knowledge.” In *Feminist Epistemologies*, ed. by H. E. Grasswick, 309–316. New York: Routledge.